

СТАЛИНГРАД: ПОБЕДИВШИЕ ДВАЖДЫ

Ольга Важенина

«Слова, слова, слова...» Помните, как это произносит принц Гамлет в исполнении гениального Смоктуновского? Пусть и вырванная из контекста, но эта фраза все чаще приходит на ум, когда кто-то заводит речь о величии Подвига, о вечной Памяти, о Героях, — причем именно так — все слова с большой, в чем-то даже монументальной буквы. Каждый такой разговор или материал превратились в набор шаблонных, картонных и обкатанных фраз, поток клише и банальностей. Ни за одним из сказанных слов уже давно ничего не стоит. Кто-то говорит о сгоревшем заживо в танке экипаже, но думает о макаронах по-флотски. Конечно, если речь идет о тан-

ке, сгоревшем во время новогоднего штурма Грозного, — обязательно найдется человек, кого это заденет за живое; но если говорить о той войне, победу в которой мы с каждым годом празднуем со все большим размахом, — мало кто увидит за шаблонными фразами настоящие человеческие трагедии и судьбы.

Волгоград и сам уже стал такой вот «шаблонной фразой». Выросший на месте сожженного и разрушенного Сталинграда, этот город с самого начала превратился в памятник самому себе. Более трехсот улиц Волгограда носят названия, так или иначе связанные со Сталинградской битвой; здесь же находится мощнейший мемориальный ком-

плекс на Мамаевом кургане с самой высокой скульптурой в мире монументальнейшей Родиной-Матерью и самая большая в Европе панорама «Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом»; в более чем восьмидесяти школах города функционируют музеи боевой славы... О памятниках более мелких и вовсе не стоит говорить — без счета их... Город как эффективный инструмент пропаганды и патриотического воспитания — вот что выросло на месте руин Сталинграда. Буквально все здесь пропитано напоминаниями о той войне, ее героях, сражениях. Но со временем все это поросло существенным жирком пафоса — когда-то необходимого, а сейчас уже просто привычного. Придыхание, с каким экскурсовод расскажет вам у стенда с шинелью Глазкова о судьбе ее владельца, — фальшивое. Практически уже никто не воспринимает 168 пулевых отверстий именно как пробоины, унесшие жизнь генерала Глазкова. Скорее, это уже «дырочки в шинели», не больше.

Сразу после войны, когда страна восстанавливала себя из руин, — этот пафос был жизненно необходим тем, кто выжил в эти пять огненных лет, смог победить. Стране были нужны герои — и живые, кого можно выставить на всеобщее обозрение, и мертвые, чтобы подчеркнуть величие подвига всего народа. По принципу: они погибли, но не сдались, потому мы живы. И разумеется, специально отобранных героев следовало закрепить в народной памяти на века. Никто не поставит памятника безвестному пулеметчику, сдержавшему атаку немецкой пехоты у села и позволившему своей части отступить на более выгодную позицию. Это не великий подвиг. Вот Паникаха, горящий, с последним «коктейлем Молотова» кидающийся под танк, — он подойдет по всем критериям в качестве символа. Тогда, сразу после войны, подобный подвиг действительно вышибал у людей слезы, они, глядя на бронзового Паникаху, — чувствовали реальность всего происходящего, запаха горящего мяса, пороха, бензина

и солярки, слышали грохот надвигающихся танков. С тех пор прошло 65 лет. Народ давно уже переименовал памятник в «без пяти семь», потому что направление броска героя четко соответствовало дверям еще советского винно-водочного магазина. «Да-да, я понимаю, подвиг, но встречаемся у «без пяти семь».

Разумеется, нельзя говорить, что это плохо, как и нельзя сказать, что это хорошо. Закономерно. Время идет, меняется все, мы живем уже не в том обществе, и даже в другой стране, социум переболел и оголтелым нигилизмом, и квасным патриотизмом. Представить трудно, какая каша творилась в головах пресловутого поколения 90-х, когда в школах твердили о Героях и Подвиге, а радио и телевизор поливали ветеранов потоками грязи. К кому-то так или иначе пришло понимание, к кому-то — нет, но уже невозможно говорить об объективном восприятии тех событий, о правильной оценке. И вот тут выяснилось, что ни государству, ни обществу живые герои

не нужны. Ему гораздо выгоднее иметь устоявшийся набор мертвых — они не требуют квартир, пенсий, лекарств, больниц... Они не ходят пять раз в день на почту, чтобы поговорить хотя бы с девушкой в окошке, не вызывают от одиночества «скорую»... В мертвых, как с воодушевлением осознали социум и государство, вложения минимальны. Внимание — только в годовщину, деньги — ну если ветром памятник поломает да на цветы. А в крайнем случае, и под снос можно отправить, как монумент в Кутаиси. Живого так просто не отстрелишь, а памятник... Да разве он что скажет? Мировое сообщество поосуждает да забудет, потому что опять теракты в Кабуле...

Герои живые не нужны, и надо же это как-то оправдать. Часто этим оправданием является знаменитая выдержка из протокола комсомольского собрания одного из подразделений Сталинградского фронта (одна из стрелковых рот 308 стрелковой дивизии) в районе завода «Баррикады», в сентябре 1942-го:

Вопрос к докладчику: Существуют ли уважительные причины ухода с огневой позиции?

Ответ: Из всех причин только одна будет приниматься во внимание — смерть.

Как мило, правда? Не умер — не герой. Однако как-то очень быстро затерли и замылили тот факт, что у этой столь любимой у обожающих рассуждать о Великом Подвиге выдержки есть некоторое продолжение. В конце заседания слово взял командир роты: «Я должен внести некоторую ясность в выступление комсорга. Он много говорил здесь о смерти и сказал, что Родина требует от нас смерти во имя победы. Он, конечно, не точно выразился. Родина требует от нас победы, а не смерти. Да, кое-кто не вернется живым с поля боя, на то и война. Герой тот, кто умно и храбро умер, приблизив час победы. Но дважды герой тот, кто сумел победить врага и остался жив».

ДВАЖДЫ герой! Если ты победил и выжил, ты победишь еще, и еще, и еще раз. Ты приблизишь свою

Скульптура «Родина-мать зовёт!» — композиционный центр памятника-ансамбля «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане в Волгограде

Ополченцы сталинградского завода «Красный Октябрь» братья Климовы с захваченным немецким пулеметом MG-34

Родину к победе, пусть и на самый малпосенький, но такой важный шажок. Ан нет, кто сейчас об этом вспоминает? Такая мелкая, но столь важная оговорка оказалась не нужна. Послевоенные годы показали, что живой герой не всегда оказывался хорошим человеком, мог и сотворить нечто непотребное, да и опять же — вот он тут, ходит, ест, дышит одним с тобой воздухом, даже — о, ужас! — ходит в туалет. Ну как-то это... не героически, что ли... И на стол истории была выброшена колода тщательно отобранных, вылизанных Героев и их Подвигов. А что — лежит себе под камушком спокойненько, и пусть себе лежит. Подвиг — отполирован, образ Героя — прозрачен и чист. Ну не встанет же какой-нибудь Талалихин и не опровергнет слова уважаемого экскурсовода...

Возьмем среднестатистического студента любого вуза и расскажем ему для начала историю, произошедшую во время операции «Зимняя гроза», когда Манштейн пытался деблокировать Паулюса. 19 декабря 1942 года краснофлотец Илья Каплунов оказался в ситуации, когда в окопе остался только он с противотанковым ружьем, а на фланг полка начали наступление танки. Патронов было мало — хватило только на три танка. Четвертый и пятый он уничтожил при помощи гранат, но и сам потерял ногу, оторванную осколком снаряда, что, впрочем, не остановило рядового Каплунова. Ког-

да он забрасывал гранатами восьмой танк — ему оторвало руку... Девятый танк поставил точку в этой истории, но и сам был уничтожен. Таким образом, всего один человек уничтожил 9 танков, подорвав вражескую атаку, но и сам погиб под гусеницами последнего «пантера».

И спросим теперь у нашего подопытного среднестатистического студента: этот рядовой Тихоокеанского флота Илья Каплунов — герой? Ответ будет мгновенный и однозначный — да. Сработал шаблон: умер, неприятно умер, но с пользой, — Герой. Тогда тому же студенту расскажем про девочку-медсестричку Машу, в январе 43-го обнаружившую в овраге раненого красноармейца. Все бы ничего, и история была бы обычна и банальна, если бы не решившие укрыться в том же овраге немцы — всего двое, но много ли надо юной медсестре и тяжелораненому солдату? От неожиданности или с перепугу Маша схватила ППШ бойца и закричала: «Руки вверх!» Результат этого испуганного выкрика наблюдало все расположение советских войск: пара фашистов, несущих на импровизированных носилках раненого красноармейца, и все это под конвоем какой-то пигалицы. Не правда ли, забавная история? Вот и наш среднестатистический студент улыбнется, представив эту картину. Герой ли наша Маша? — спросим у него. Ответ будет предсказуем: «Не, ну она же с перепугу...

Ну герой, герой, конечно». И снова отработал шаблон: не мертвый — не герой. Потом, конечно, пробилось что-то из подсознания, признает он, кстати, живую до сих пор, Машу героем, но лишь умом — не сердцем.

Странная все-таки ситуация. По сути, большинство воспетых мертвых героев не так уж и много сделали для победы. По большей части — просто героически померли. Не они остановили фашистов на берегах Волги, не они гнали немцев до Берлина, а те, кто каждый день, когда героически, а когда и вовсе нет, выполняли свои обязанности. Этим ежедневно выживавшим не нужно было увековечивать свое имя, они не думали о бронзовых памятниках после смерти или при жизни. Они — дважды герои — всего лишь делали свою работу. Но как они ее делали!

Например, снайпер А. Трофимович в своем нелегком труде использовал... патефон! Он сыграл на самом губительном человеческом чувстве — любопытстве. Когда неожиданно из руин раздавалась музыка, немцы начинали выглядывать из окопов — что же там такое происходит-то? И тут же попадали под огонь снайпера. Результативность Трофимовича была поразительной, что, впрочем, неудивительно — кто в такой ситуации сможет пересилить себя? Недаром в Японии существует поговорка: любопытство сгубило кошку.

Пока же Трофимович «развлекал» фашистов музыкой, его родная дивизия держала оборону на берегу Волги. И этой дивизии позарез был нужен наблюдательный пункт. Высоких мест в окрестностях просто не было — одни лишь руины. Но 15-летний мальчик Вячеслав Белов все-таки нашел, где можно организовать наблюдение. Дело в том, что довольно высокую трубу пивзавода немцы использовали в качестве артиллерийского репера... А что? Чем не мысль? Так и появилось «гнездо аиста». Сам Вячеслав Белов большую часть времени находился наверху, на 30-метровой высоте, и выжил, дошел в итоге до Берлина, а ведь по скобам не то что мальчишке, взрослому забраться на такую верхотуру сложно.

Немцы, разумеется, про «аистов» знали, но совершенно ничего не могли с ними поделать. Даже

законы физики оказались против фашистов. Пули снайперов рикошетили от стенок прорубленных наблюдателями амбразур и уходили в стороны, никого не задевая. Выкурить при помощи минометов тоже не получалось — бойцы просто убивали сидение из досок и прятались внутри, а мина, влетев в амбразуру, падала вниз и взрывалась. А жертвовать репером немцы не хотели. Видимо, не нашлось того, кто перевел бы им русскую поговорку про двух зайцев. Поэтому «гнездо аиста» существовало достаточно долго.

Примерно тогда же, но в другом районе Сталинграда, 138-я стрелковая дивизия полковника И.И. Людникова попала в окружение. О судьбе самой дивизии написано немало, а вот про обеспечивший ее связью и в итоге возможностью выжить «Ролик» вспоминают не часто. Что ж это за «Ролик» такой?

Дело в том, что провод, соединяющий «остров Людникова» с «большой землей», был перебит, и связь, разумеется, оказалась прервана. Но топография Сталинграда такова, что он весь буквально изрезан балками. И вот на склоне одного такого оврага были две ниши, где прятались по два советских бойца, а на верхней кромке располагались огневые точки немцев. Младший сержант Кузьминский и рядовые Ветошкин, Харазия и Колосовский, прятаясь в этих нишах, и представляли собой тот самый «Ролик» — промежуточную станцию связи. Приказа отступать им по той или иной причине не отдали, и все 40 дней, пока дивизия оставалась в окружении, они обеспечивали ее связь с «большой землей». Нельзя сказать, что бойцы просто сидели в своих нишах и лишь по ночам пробирались в штаб, чтобы доложить. Они отстреливали врагов, неосторожно приблизившихся к Волге, отбивались от попыток немцев спустить в ниши взрывчатку... Скучать им не приходилось. Однако, когда очередной боец являлся на ночной доклад, то на вопрос о том, что им нужно, бодро отвечал: «Нам нужны патроны да харчи. «Ролик» будет вертеться!» И «Ролик» вертелся все эти нелегкие 40 дней.

Харчи тогда были нужны всем, а некоторым еще и помогали выполнять задания. Двенадцатилетняя разведчица Люся неосторож-

Советский летчик-истребитель Михаил Баранов в Сталинграде. 1942 г.

но попала в плен, но выполнила свою миссию и принесла информацию о количестве вражеских солдат в штаб. И сделала она это с потрясающей смекалкой. Каким уж образом девочка убедил немцев, что она всего-навсего местный ребенок, а не разведчик, — история умалчивает, но ей поверили и распределили работать на кухне. А дальше — дело техники: она всего лишь посчитала количество порций и получила всю интересующую ее информацию.

Подобные этим истории можно рассказывать бесконечно — столько их произошло и в Сталинграде, и на полях других сражений. Простой, обыденный героизм, не ведущий к обязательной жирной точке — смерти. В жизни многих из этих людей точка не поставлена до сих пор. Вернемся к нашей медсестричке Маше, для примера. Мария Федоровна Лапина до сих пор пребывает в добром здравии и является единственной женщиной в Волгоградской области, награжденной орденом Боевого Красного Знамени на винте. На вопрос: «Помните ли Вы своего первого раненого?» — она рассказывает: «Конечно, им оказался немецкий офицер. Удивлены? Мне было тогда 17 лет, первый выход на поле боя. Слышу, кто-то стонет, подползаю и вижу — немецкий офицер: «Не надо пух-пух, у меня четыре киндера и мутер в Германии». У него оказалось тяжелое ранение в бедро, первая мысль — йода налить в рану, но клятва Гиппократа «перевеси-

ла». Перебинтовала я его и оттащила к нашим. Бойцы надо мной потом подшучивали долго.

Как сложилась его судьба в дальнейшем? Не знаю. Об этом случае узнал даже канцлер Германии Герхард Шредер, и в ноябре 2003 года по приглашению немецкой стороны я ездила в Берлин для награждения золотой медалью «Дружба народов и примирение». Эта медаль была мне вручена под номером 2. Медаль под № 1 у немецкой медсестры».

Мария Федоровна часто приходит на встречи ветеранов со школьниками, но для современной молодежи совершенно невозможно представить ее, такую юную и напуганную, направляющую оружие на двух немецких солдат. Всего лишь одна из бабушек с ворохом своих нелепых воспоминаний... «Ну, раз выжил — в тылу, значит, отсиделся» — такое слышится со всех сторон и слишком часто. Если выжил в мясорубке войны, не умер в первые же годы после нее от ранений — значит, тыловик, да и вообще не герой. Ушло осознание того, что выжить, восстанавливать наравне со всеми разрушенную страну, завести семью, поднять детей, внуков, пронести сквозь все эти годы память о тех, кто не вернулся, — это тоже героизм. Обыкновенный, бытовой героизм, но, пожалуй, гораздо более важный, тот, благодаря которому мы не только победили, но и выжили. Ведь пусть и победившая, но уничтоженная нация никому не нужна.